

Виталий МАМАЙ

Виталий Заиченко (Виталий Мамай) родился в 1971 году в Кременчуге (Украина). Работал в периодических изданиях, занимался рекламой, копирайтингом. Журналист, переводчик. Сборники стихов «Фигура речи» (2014), «Элиев мост» (2017). Публиковался в журналах «Знамя», «Новый берег». С 1998 живёт в Израиле, в Тель-Авиве.

ЗИМНЕЕ ДЛЯ КЛАРНЕТА С МАРТИНИ

Вечер и юго-восточный ветер...

Вечер и юго-восточный ветер из эмирата
вечного синего неба, безмолвия и песка.
Края, не ведавшего Робеспьера или Марата,
края, где даже Толстой и Ремарк нон грата,
края, где можно не знать своего сто восьмого брата,
где без полива не вырастет ни травинки, ни лепестка.
Юго-восточный ветер, сухой, неживой, и жжёным,
калёным песком отдающийся на губах...
Люди в чалмах, с бородами, со взглядом, столь заряжённым
ненавистью с презреньем, спешат то ли к покорным жёнам,
то ли к своим караванам, наркотиками гружёным,
мерно колышущим дни и столетия на горбах.
Может быть, это иллюзия, может, опять собака
лает на караван, но верблюды всегда в пути...
Край, где все знают Калашникова, но не Баха,
край, где смерть ближе телу, чем жизнь, что уж там рубаха,
край, где работать бессмысленно, проще же побабахать
гранатомётом в горах, чтобы не зря уйти.
Улочкам Старого города только и остается ахать.
Раньше их не видали в святых местах хоть...
Но караваны идут... И вот они, здесь уже, во плоти.

Яффо

Ночь не приходит. Она возникает из
шелеста шин, замирания ветра и сонных трав.
Площадь мала. Не по мерке ей храм Петра...
В жаркую полночь Яффо сползает вниз,
к морю, которое всюду и всё же не-
видимо, если не потрудиться взойти на холм.
В полночь, смывая праведность дня грехом,
в Яффо приходят, словно к чужой жене.
В Яффо находят коку и crystal meth,
в Яффо берут всё, что хочешь, – от песо и до рубля...
Если его отмыть, как чёрного кобеля,
Яффо красивее тысячи Андромед.
Ночь нескончаема. Здесь в переулках тишь
гулкая... Вдруг, ночь на десять секунд глуша,
Шесть одиночных в воздух из калаша...

Яффская свадьба, где без калаша престиж
падает ниже плинтуса, до нуля.
Тонкая девочка, вычурный кринолин,
чёрные глазки как пара больших маслин,
младшая дочь кокаинного короля...
Гости воображают детали смет,
мечут конверты истово на поднос...
Сцена Кустурицей сильно шибает в нос,
впрочем, такой уж это дивертисмент.
Ночь не растает, но... Медленно закровит
небо с востока, и крыши зальёт напалм
солнца. Я маленький, как Давид,
если стоять в тени Голиафов-пальм,
глядя, как Яффо глаза протирает. Скрип
ставен, тележек стук, неизбывный смрад
улиц у рынка, как тысячи лет подряд...
Город короткий, словно гортанный вскрик,
город бездонный... Свой сорок четвёртый век
невозмутимо меняя на медяки минут,
яффские улочки снова не преминут
взять меня сонного, не размежая век...

Тель-Авив. Перекрёсток

Пусть миг увековечен мной едва ль –
предутренние сумерки, январь,
крыльцо борделя, как ни закрывай,
мигает синей
гирляндой ламп. В бурнусе, белизны снегам
лишь равной, ниспадающем к ногам,
бредёт заблудший сын одной из ган
и абиссиний,
других ли стран, где голод, страх и гнёт...
Холодный ветер с моря пальмы гнёт,
и небосвод того гляди рванёт
грозою зимней,
к которой явно непривычен сей
пришелец из далёких мест отсель,
из-за реки, где прежде Моисей
проплыл в корзине.
И я, рождённый над рекой иной,
вдруг ощущаю с ним в реке одной
себя, с надеждой общей, и виной,
и правдой, судя б
хоть по тому, что свет одержит верх,
раз солнце робко озаряет сквер
на этом древнем перекрёстке вер,
ветров и судеб.

Окрестности Назарета. Рождество

Странный для диктора радионовостей иврит,
чуть угловатый, с налётом халебского акцента.
Где-то перед прогнозом погоды он говорит,
что из-за праздника въезд в Назарет закрыт,
пробка от перекрёстка а-Мусахим до центра,
и после этого о погоде... Погода, мол,
полностью характерная для сезона.
Кстати, простуда?
Поможет – о чудо! –
не сам Господь, но его парацетамол,
если купить панацею в аптечной сети Ицика Мосензона.
Вроде так просто – и всё же немного жаль.
Раньше казалось – и жизнь, и простуда сложнее и глубже.
В пробке сигналят, разноязыко кричат: «Езжай!»
Годы не возвращаются, как их ни провожай...
Краешек неба с крестом отражается и в придорожной луже,
и в лимузине, и в зеркале старой «Субару», на коей, похоже, с лет
сорок местные дэвы ночами лепешки свои месили,
и пацанёнок глазастый вдоль пробки куда-то торопится на осле.
Жаль, не на белом осле мессии.

Зимнее для кларнета с мартини

Сизый дым поднимается с чёрных крыш,
обращаясь в заледеневший воздух...
В нём закат безмятежен и медно-рыж,
и кресты, как матросы в «вороньих гнёздах»,
но помпезных, как истинный нувориш.
Видишь дальше бесснежного февраля,
этих мёрзлых осин и каштанов голых,
только плёнка рвётся на (voilà!)
чёрном титре на белой стене «В ролях»,
и сознание зиждется на глаголах,
у которых общего – в горле ком
да прошедшее время. Звонящий вечер
накрывает улицы колпаком,
и кларнет поскуливает щенком,
и скрывает память следы увечий,
на уста накладывая печать,
превращая воду в martini rosso...
В зимнем небе звёзд на десяток гроссов*,
и не хочется задавать вопросов,
потому как некому отвечать.

*Гросс (нем.) — мера счёта, 144 единицы, дюжина дюжин

NN

День умирает... Новый не рождён.

Ты гонишь свой выдавший виды «Плимут».
В душе ноябрь. Этот гадкий климат...
Всё дрянь, а тут ещё и снег с дождём.
...Промозгло. Пробирает до костей.
Совсем взбесились Фаренгейт и Цельсий.
Скучает милый мальчик-полицейский.
Не затащить ли мальчика в постель?
...Мотель. Кровать. Распятие... Три «ха»!
Нет, этот мир определенно спятил.
Какого чёрта вешают распятия
В обителях дорожного греха?
...Однако... Время предъявляет счёт,
Между бровей морщинкою ложится.
Но то, что скрыто тонкой тканью джинсов,
Довольно привлекательно ещё.
...Смерч торопливых ласк. Шнурок. Торшер.
Привычная динамика постели.
Ты вовремя подумала о теле.
Пожалуй, поздно думать о душе.
...Изучен код теней на потолке.
Сосчитаны овечки и барашки.
И мальчик в синей форменной фуражке
Давно исчез, шепнув тебе: «Take care...»*
...И только тот, который на кресте,
Молчит. О да, он всё сказал когда-то...
...Ноябрь. День без времени и даты.
Сырое утро. «Плимут». Интерстейт.

*Take care... (англ.) – Береги себя...

Каждый раз ты уходишь в осень...

Каждый раз ты уходишь в осень, пробормотав: «Дела...»
Не дожидаясь криков, мол, я б тебе родила, я ж тебе отдала
юность ли, девственность, пару ли лучших лет,
ради тебя я бросила танцы, гимнастику, йогу, цигун, балет,
потеряла подругу или подруг... Всю эту чушь и муть
ты оставляешь за дверью, не желая нужное подчеркнуть.
Проведя пятерней по кудрявой башке, слов пронзительных не ища,
ты слетаешь по лестнице камнем, так, будто бы дверь праща...
Дверь праща, конечно, а ты то ли камень, то ли Давид,
но кого в наше время это действительно удивит?
Та же осень на улице, у тебя всё тот же богемный вид.
В две недели щетина давно считается бородой,
дни текут между пальцев, водкой текут, водой,
осень смоем песчаный замок, как долго его ни строй,
ты опять выбираешь между студенткой и медсестрой,
выбираешь, кто будет врать маме, мол, я с ним живу, жених...
Чёрт возьми, почему ты ночуешь всегда у них?
В двадцать пять – ни работы толком, ни правильного пути,
только двадцать семь метров хрущёвки, чтоб было куда уйти,

если с этой не выйдет, и не срастётся с той...
Через месяц наступит... Какой? Девяносто шестой?
Новой девочке верится, будто бы счастлив он будет и долог, но
в этот раз из подъезда ты выйдешь через окно,
напоследок махнув нам, оставшимся, чёрным крылом плаща...
Все мы камни. Давидовы камни. И всякого ждёт праща.

Зимнее утро серей шинели...

Зимнее утро серей шинели,
в щели набилась мгла,
в дымке морозной заметны еле
тусклые купола.
Стены ещё не в расстрельных язвах,
будет страшней стократ.
Но от предчувствий своих неясных
ёжится Петроград.
Снег, и на нём, точно пятна нефти,
островки воронья.
Пастью раскрытой на Малой Невке
чёрная полынья.
В дрожь – и княжну, и дворовую бабку,
полнится вестью дом:
«Слышали? Таки нашли собаку
в полынье подо льдом.
Пёс, хоть в рубахе чистого шёлка,
так побит, что никто
и не узнал бы... Вот ведь ушёл как
царский лампадник-то.
Был и небеден, и важен собою –
есть конец всё одно.
И, говорят, даже шуба соболья
не утащила на дно.
Бог же не Яшка, ущучил шельму,
выдал сторицею
и за хлыстов, и за службу Вильгельму
вместе с царицею...»
Зимнее утро. Гудит столица.
Где испуг, где восторг.
Кровью, которой ещё пролиться,
ало окрашен восток,
солнце в предчувствии будущей бури
гонит к заливу мглу.
...И обречённо, растерянно курит
городовой на углу.

Восемьдесят восьмой

на *Вечно живых*,
в доме, где Военторг,

мечется рыжий вихрь,
в пальцах моих ток,

корчится новый мир,
старый уже мёртв,
запах её мирт,
тело её мёд,

город давно спит,
лунный блестит хром,
водку сменил ром,
мог бы сменить спирт,

первый троллейбус в пять,
выйду – авось мой...
Стикс, поверни вспять
в восемьдесят восьмой,

в лето, где рыжий вихрь,
в лето, где в пальцах ток
на *Вечно живых*,
в доме, где Военторг.

Градчаны

Если мы всё-таки жнём, что сеем,
я однажды вернусь к тебе Одиссеем,
оборванцем, бродягой в наряде жалком,
Сен-Жерменом, вечным жидом, фаталистом-Жаком;
не согласишься даже, пройдёшь, не видя,
из кафе на свет предзакатный выйдя,
улыбнёшься, что-то сказав подружке,
и небесный зодчий из снежной стружки,
света в окнах, туч и подмёрзшей влаги
будет строить заново зиму в Праге,
где фонарные тени длинны и шатки,
надевать на крыши смешные шапки,
подметать позёмкой площади деловито...
Я дойду за тобой до святого Вита,
но зелёный намеренно прозеваю,
и останусь глядеть вслед твоему трамваю.
Двадцать лет – это двадцать зим, бесконечных, долгих...
Даже если анамнез –
недели винных паров и предутренних жарких догги –
это нам не даёт ничего в итоге,
даже будь не в рванине я, в девственно белой тоге...
Ты наутро вспомнишь, как накануне сильно мело по
замёрзшим Градчанам, где нам не увидеться, Пенелопа...

Из диалогов с Б. Мы будем жить с тобой...

*Мы будем жить с тобой на берегу
отгородившись высоченной дамбой...*

Иосиф Бродский

Мы будем жить с тобой на берегу,
отгородившись высоченной дамбой
От всех на свете. Волн неровный гул
В ушах когда-то выученной гаммой,
Где ясно различим кларнет, гобой,
Звучать нам будет постоянным фоном.
Мы будем жить на берегу с тобой
По нами лишь придуманным законам.
Под серым небом, на клочке земли,
Где хилая растительность и блёкло,
Неясным эхом слышатся вдали
Мелодии прекрасного далёка.
Простой уклад, нехитрый сельский быт.
Поскрипывают ставни, рдеет пламя
В печи. И мы, два баловня судьбы,
Друг другом не насытимся часами...
Пускай на тёмном пыльном чердаке
Порочно и призывно стонет ветер –
Твоя рука лежит в моей руке
Как нежное письмо в большом конверте...
Холодным утром кофе аромат
Острее, чем клинок дамасской стали.
И если здесь, за дамбою, тюрьма –
Свободы мне захочется едва ли.

Это смешение вывесок...

Это смешение вывесок, тускло мигающих светофорам,
запаха кофе, магнолий, жжёного ли песка,
рябь нескончаемых волн под Суэцем ли, под Босфором...
Здесь даже войны приводят только к ожесточённым спорам,
кто победил. Здесь развязка неопишимо неблизка.
Это иллюзия веры, а паче спасенья... Всего, что идет за гробом,
судя по старой книге, весьма истрёпанной за века.
Если не посвятить здесь себя авантюрам, ошибкам, пробам,
можно остаться распространённым верующим микробом,
в будущей жизни надеясь возвыситься до червяка.
Это история переворотов, походов, осад и боен,
имя Господне в которых всегда заменяет любой резон...
Так почему же, когда серебристый огромный боинг
ухает вниз вместе с сердцем из рваных ночных пробоин
в тучах, ты ждёшь электрическим заревом тлеющий горизонт?
Пусть ты рождён далеко, на степном восточном краю Европы,
в царстве штампованных винтиков, вечно оторванных от корней.
Видя теперь эту землю, где камни, пустыни, скалы и козы тропы,
ты ощущаешь себя полноправным плодом её утробы,

корчишься, плачешь и радуешься вместе с ней.
Что тебе в этой земле и в пронзительном небе, кроме
царских щитов, под которыми деда и прадеда погребли?
Где этот голос вечности, голос причастности, голос крови?
...Раннее утро. И на запруженном сильными птицами аэродроме
видятся рыжебородые капитаны и финикийские корабли.

Дорогам Фландрии

Подземный паркинг. Пять часов утра.
Чудовища асфальтны и бетонны.
Минуты вялы, злы и монотонны,
и ночь сползает в пантеон утрат,
где не слышны моления и стоны...
Как утро? Неужели утро, брат?
...У рамок очередь. Расстрелянный Брюссель
не верит больше ни слезам, ни визам.
Бессмысленно торчащий тепловизор
на винтаре, и мутный, как кисель,
квадрат окна броневика времён лендлиза...
В деревню, в глушь, подальше отсель!
Туда, где Шельда повстречала Лис,
где лижет камни вековая тина,
где серые громады Гравенстина
с таким же мрачным небом обнялись,
и в этом небе прорвана плотина,
и капли разбиваются картинно
о мостовую Гента. Помолись,
о, путник, помолись своим богам,
философам, пенатам или ларам
за эту страсть к далёким берегам.
Такие встречи не проходят даром.
На этих ли, на прочих площадях
лишь камень чары времени щадят,
обтёсанный умелыми руками,
и в камне – память.
То есть, память – камень.
...В полях за Ипром, от земных оков
свободна, спит английская пехота,
и не судьба дожидаться Дон Кихота
шеренгам равнодушных ветряков...

И вопросов не остаётся вовсе...

...И вопросов не остаётся вовсе,
кроме вечных – эти уже не в счёт.
Машинально следишь за часами. Восемь.
В новостях говорят о Сирии и Давосе.
Открываешь книгу, собственно, на авось, и
ждёшь... Но память границ не пересечёт.

Вроде всё как всегда, но в груди непривычно пусто,
так, что гулкое эхо гаснет, дёргаясь на ножах,
словно вздох стадиона, глухо, тысячеусто...
И февральская полночь, и мягко горчит gobusta
diablo, как утром назвал эту смесь бакалейщик Жак,
ухмыляясь в усы, мол, разбудит любую Барби,
даже, кажется, зная, как метко
ухмылка и слово ложатся в цель...
И привязанность к жизни, как и привязанность к бабе,
из разряда болезней скорее, нежели панацей.

Из итальянского этюдника. Пьяцца Сан-Иньяцио

...Мрамора столько, что ты цепенеешь вдруг,
рядом с японцами, в центре одной из piazz,
думая о миллионах голов и рук,
строивших этот город в дожди, в жару,
в войны и эпидемии... Ты, паяц,
не отесавший и камня за столько лет,
не завершивший даже простой чертёж,
и не сжимавший в складках плаща стилет,
просто явился, просто купил билет.
Просто стоишь и смотришь. Чего-то ждёшь.
Ангела? Озарения? Ночи? Дня?
Это не город, это прорыв плотин,
пляска святого Неронового огня,
жаркие бёдра кудрявых шальных латин,
перерождённые в мрамор и травертин...
Смерть победима. Истлели века назад
кости, но их фонтаны полны монет,
музыка льётся, заката лучи скользят,
глядят скульптурный, каменно-крепкий зад,
кто-то читает Тассо... И смерти нет.

Джо

...Знаешь, Джо, всё же время – плохой попутчик.
С ним и в ногу непросто, и не отстать, да и не обогнать никак.
В тёмных шеффилдских улочках, в поднятых воротниках
и в прокуренных барах останется твой скрипучий
голос тёплым глотком фэн-буаского коньяка.

Ради Бога, Джо, вот не надо, что время лечит...
Стёрлись крылья. И к лучшему. Больше не нужно ничем махать.
Это слишком ответственно. Правда, без них полегче.
Все уходят без крыльев. И нет иных, а другим далече
До тебя. До небес. До *Unchain my heart**.

Всё по-честному, Джо. Так записано в книге судеб.
Закрывается дверь, гроыхает в затылок тяжёлый стальной засов.

Пусть тебе там крылатое войско нектару нальёт из своих посудин.
Ты, кто в жизни взлетал до звёзд, никому неподвластен и неподсуден,
самый рыжий, бродячий и пьяный из прочих рычащих английских псов.

Так и кончилось, Джо. Небо посеребрило Млечный
путь. Не желаю покоя. Дерись, вырывайся, мечись, не покойся, вой
на каком-то из этажей пресловутой ночлежки вечной...
...Знаешь, время плохой попугчик. Сходя на своей конечной,
ты не вспомнишь о том, что время
давно пересело
на кольцевой...

*Unchain my heart (англ. анчейн май харт) – раскуй (освободи) мое сердце, название песни Джо Кокера